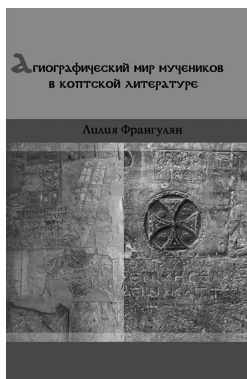


РЕЦЕНЗИИ



Франгулян Л. Р.

АГИОГРАФИЧЕСКИЙ МИР МУЧЕНИКОВ В КОПТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

отв. ред. С. А. Моисеева. М.: ИВ РАН, 2019. 260 с.
ISBN 978-5-89282-884-0

УДК 271.22 (495)
DOI: 10.31802/PWG.2022.7.1.007

Увидевшая свет в 2019 г. книга Л. Р. Франгулян посвящена изучению коптских агиографических памятников, основными персонажами которых являются мученики Древней Церкви. На материале 32-х житий исследовательница производит композиционный и содержательный анализ агиографии коптских мучеников, реконструирует исторический контекст создания этих текстов и их функционирование в рамках коптской монофизитской общины.

Для отечественной церковно-исторической и богословской науки интерес к коптским текстам не является новым. До революции отдельные аспекты и произведения коптской литературы были рассмотрены в трудах В. В. Болотова¹ и Б. А. Тураева². Научный интерес к египетской письменности сохранялся и позднее и нашёл своё отражение

- 1 См.: *Болотов В. В.* Из церковной истории Египта. Вып. 1. СПб., 1884; *Болотов В. В.* Из церковной истории Египта. Вып. 2. СПб., 1886.
- 2 См.: *Тураев Б. А.* Неизданный поэтический памятник коптской эпиграфики // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. 10. 1896. СПб., 1897. С. 79–82; *Тураев Б. А.* Коптские надгробные надписи // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. 18. СПб., 1908. С. 30–32; а также опубликованные уже после 1917 г.: *Тураев Б. А.* Коптские рукописи Азиатского Музея Российской Академии Наук // Азиатский сборник. Из Известий Российской Академии Наук. Новая серия. Пг., 1919. С. 427–440; *Тураев Б. А.* Коптская литература // Литература Востока: сборник статей. Вып. 2. Пг., 1920. С. 70–81.
- 3 См.: *Аверинцев С. С.* От берегов Евфрата до берегов Босфора. Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии от Р. Х. // *Аверинцев С. С.* Собрание сочинений / под ред. Н. П. Аверинцевой. К. Б. Сигова. Киев, 2004. С. 396–446.

в исследованиях С. С. Аверинцева⁵, А. И. Еланской⁴, С. А. Французова⁵, А. А. Войтенко⁶, К. А. Панченко⁷. В свете наличия такой традиции коптских штудий в отечественной академической науке рецензируемая книга на первый взгляд не представляет собой уникального явления, однако для объективной оценки вклада автора монографии в науку уместно подробнее рассмотреть структуру и содержание исследования.

В первой главе производится анализ исторических условий возникновения и литературного контекста коптских житий. Автор знакомит читателя с теми религиозными, этническими, политическими и социальными процессами, которые происходили в христианском Египте во II–IX вв. и непосредственно повлияли на формирование коптской агиографической литературы. Далее автор, уже переходя, собственно, к описанию литературного контекста, выделяет среди жанров агиографии мартирий (мученичество), житие, энкомий (похвальное слово) и сборники посмертных чудес. При анализе коптской житийной литературы предлагается её периодизация, а также классификация агиографии мучеников, в основу которой в качестве критерия положен тип конфликта. Авторская типология конфликта в мученическом житии предполагает четыре его разновидности:

- «1. Конфликт с иноверцами, связанный с исповеданием христианства;
2. Конфликт, связанный с противоборством разных течений в христианстве;
3. Конфликт, связанный с обращением в христианство из других религий;
4. Конфликт, вызванный нерелигиозными причинами:
 - корыстные цели;
 - обвинения разного характера;
 - отказ выполнять несвойственную Церкви функцию»(с. 59–60)⁸.

Из них только первые три, по мнению автора рецензируемой книги, имеют место в коптской житийной литературе:

- 4 См.: *Еланская А. И.* Коптская литература // История всемирной литературы. Т. 2. М., 1984. С. 360–364; *Еланская А. И.* Коптская рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. 1. М., 1987. С. 20–103.
- 5 См.: *Французов С. А.* Завет святому в арабо-коптском житии Иоанна Каливита // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2010. Вып. 4 (22). С. 77–86.
- 6 См., например: *Войтенко А. А.* Императорские родственники в египетских пустынях: Жития апы Кира и блаженной Иларии // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора И. С. Чичурова. М., 2006. С. 178–193.
- 7 См.: *Панченко К. А.* Коптская Церковь. Арабское завоевание – Коптская Церковь при мамлюках (1250–1517) // ПЭ. 2015. Т. 37. С. 514–539.
- 8 Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание (*Франгулян Л. Р.* Агиографический мир мучеников в коптской литературе. М., 2019.) приводятся внутри текста в круглых скобках.

1. Конфликт, связанный с вероисповеданием христианства в среде язычников;
2. Конфликт, связанный с исповеданием монофизитства;
3. Конфликт, связанный с возвращением в христианство из ислама» (с. 61).

Поскольку на ранних этапах своего развития (до 451 г.) коптская агиография представляла собой переводы греческих текстов (со временем всё более и более подвергавшихся литературной обработке) (с. 54–55), Л. Р. Франгулян обращается к вопросу о зависимости коптской литературной традиции от греческой, и вслед за Т. Орланди и А. Папаконстантину приходит к выводу об оригинальности данных текстов (с. 63). Одним из аргументов в пользу данного вывода выступает наличие в коптской агиографии 12-ти циклов, не имеющих аналогов в византийской житийной литературе. Типы и содержание этих циклов также анализируются автором монографии. В завершение первой главы исследовательница выделяет такие особенности коптских мученических житий как псевдоисторичность, находящую отражение в приписывании текстов житий псевдоавторам (например, свт. Василию Великому, Кириллу Иерусалимскому, Иоанну Златоусту) (с. 74), локализация событий в несуществующих географических местностях (например, место ссылки свт. Иоанна Златоуста один из памятников определяет как «остров Фракия», см. с. 76), апелляция к неисторическим событиям (вроде легенды о египетском происхождении императора Диоклетиана), хронологические нестыковки.

Во второй главе, носящей наименование «Композиция и поэтика текстов о мучениках», автор последовательно разбирает структурные и художественные особенности коптских мученичеств (п. 2.1) и энкомиев (п. 2.2). Отмечая условность границ между жанрами агиографии (что особенно характерно для коптских произведений), автор, однако, разделяет исследуемые тексты между двумя указанными родами литературы. Исследовательница выделяет в 21 мученичестве и 11 энкомиях (с. 82–126) свойственные только этим жанрам композиционные элементы и их последовательность, а также характерные художественные приёмы. В то же время следует отметить, что надписание памятника ещё не определяет его жанр: так под заголовком «энкомий» может находиться текст не только собственно энкомия, но и жития или сборника посмертных чудес святого. Примечательно, что как посмертные чудеса, так и чудеса, описанные в сборниках, энкомиях и житиях мучеников, отличаются беллетристичностью и назидательностью (с. 147).

Третья глава раскрывает специфические черты системы персонажей, сюжетов и основных мотивов исследуемых текстов. Здесь

отмечается связь коптских мученических житий (в широком смысле) между собой, которая реализуется посредством персонажей: одни и те же лица фигурируют в различных текстах, посредством чего и происходит объединение всех оказавшихся в поле зрения автора житий в единый «агиографический мир». Здесь же исследовательница подчёркивает влияние региональной специфики Египта (как коптской картины мира, так и влияния на неё мировоззрения местного монашества) на богословское содержание материала исследования. Например, отмечается влияние монашеской традиции (акцентируются эмпатические именно монашеству добродетели мученика — строгий аскетизм, целомудрие, безбрачие, см. с. 149). Здесь же стоит отметить и свойственный древнеегипетской культуре и унаследованный коптами интерес к посмертной участи души и загробному миру. Уделяется внимание и вероучительным мотивам, среди которых автор монографии выделяет проблему теодицеи, значимость таинства Крещения, иконопочитание и триадологию. Однако 32 жития не отражают критику халкидонитов и несториан: это автор объясняет тем, что «этот вопрос ушёл на задний план для авторов VII–VIII вв.» (с. 191).

В заключении делается вывод о том, что коптская агиография мучеников своим функциональным назначением имела сохранение этнической и религиозной идентичности в условиях арабского завоевания. Именно по этим причинам тексты объединены интертекстуальностью на уровне персонажей, изобилуют чертами беллетристики, погрешают против исторической истины. «Агиографический мир» мучеников Древней Церкви был призван сплотить коптскую общину перед лицом угрозы ассимиляции и арабизации.

В качестве приложения автор предлагает читателю снабжённый комментариями перевод «Энкомия св. Виктору» Феопемпта Антиохийского.

Монография Л. Р. Франгулян написана на основе кандидатской работы, защищённой по филологической специальности, её историко-филологическая ценность не вызывает сомнений. Однако, работая с подобными текстами, учёный-филолог в той или иной степени сталкивается с теологической проблематикой. С точки зрения богословия подобные исследования и, в частности, рецензируемая книга вызывают некоторые вопросы. Основных проблем здесь две. Первая определена самим жанром жития: как правило, агиографические тексты содержат мало собственно богословского материала (об этом свидетельствует и текст рассматриваемой монографии — раздел «Вероучительное содержание» занимает в ней всего три страницы). Второй вопрос

обусловлен конфессиональной принадлежностью авторов коптских житий: являясь монофизитами, копты исповедуют христологию, отвергнутую православными, а значит влияние антихалкидонизма могло отразиться и на этих текстах.

Ответ на второй вопрос очевиден: тексты не содержат критики диофизитов, встречающиеся в житиях элементы специфически египетского мировоззрения лежат вне области догматики. Возвращаясь к первому вопросу, было бы примитивно сводить ценность рецензируемого исследования лишь к возможности межконфессионального диалога (хотя и в этой плоскости книга открывает широкое поле для размышлений). Коптская агиография фиксирует (пусть и в беллетризованном виде) нравственный идеал и подвиг мученика Древней Церкви, Церкви гонимой. Кроме того, находясь под сильным влиянием агиографии египетских преподобных, жития в какой-то мере являются источниками по мировоззрению, аксиологии и аскетике египетского монашества.

В связи с богословской тематикой интересно, что в исследовании Л. Р. Франгулян содержится указание на отражение в агиографических текстах коптской традиции некоторых положений, не представляющих собой официальную догматическую позицию Коптской церкви, но характеризующих народное религиозное мировосприятие. Первое из таких положений — утверждение о безусловном спасении того, кто исполнит некоторое обязательство по отношению к мученику. Чаще всего имеется в виду запись и распространение конкретного агиографического текста (но также говорится и о построении храма или наречении ребёнка в честь мученика). За это агиограф обещает переписчику прощение всех, даже самых тяжких преступлений перед Богом. В мученичестве Паэсе и Феклы автор даже описывает (для убедительности — от лица Ангела) механизм действия этого «договора», в котором каждая из сторон выполняет свою часть «сделки» (человек на земле, а мученик — за гробом): 1) мученик молится о душе переписчика его жития; 2) в случае многих грехов душу «отправляют на пытки», пока она не станет «белая, как снег»; 3) душа «поселяется со святым в его [то есть мученика] небесных чертогах» (с. 102). Здесь Л. Р. Франгулян закономерно отмечает присутствие идеи «чистилища», хотя и без указания на отдельное (от ада) место мучения таких душ (с. 103). Но не сам временный характер мучений даёт основания для ассоциации данного положения с латинским лжеучением о чистилище (ведь представление о временных муках в принципе характерно для традиционного христианского восприятия адских мучений в контексте будущего Страшного

Суда), а утверждение об обязательной временности мучений и неизбежности спасения для определённого круга грешников (в данном случае — переписчиков мученического жития).

Также в подобном изложении концепции о «договорных» отношениях между почитателем и мучеником можно видеть параллель с другим учением, развитым и распространённым в Римской Церкви — об индульгенциях. В данном случае в качестве «индульгенции» выступает сам текст, написанный рукой почитателя, или же совершение им одного из предлагаемых агиографом деяний, так как чёткое выполнение определённого условия становится «оправданием» не только за уже содеянные злодеяния, а и за все, которыми человек согрешит в будущем, вплоть до последнего дня своей жизни.

Второй характерной чертой коптской мученической агиографии, интересной с точки зрения теологии, является образ 1000-летней трапезы (пира) мученика со Христом. Л. Р. Франгулян определяет связь этого образа с учением хилиазма, основанном на том толковании слов Апокалипсиса ап. Иоанна (Откр. 20,4), которое было со временем отвергнуто христианством как неверное. В популярности образа 1000-летнего пира в коптской литературе стоит видеть отражение бывшего распространения в Египте буквального, хилиастического понимания библейского образа 1000-летнего царства (с. 104–105).

Третьей из подчёркиваемых исследовательницей важных особенностей коптской агиографии мучеников стоит считать совершенно оригинальное аскетическое осмысление подвига мучеников в сравнении с подвигом преподобных отцов. Обращает на себя внимание выявленный исследовательницей мотив количественного и качественного сравнения «смертей». Так, в «Энкомии Георгию» Феодота Анкирского (далее — ЭГ I) превосходство мученического подвига над преподобническим акцентируется следующим образом: «Три насильственные смерти мученика Георгия превосходят шесть смертей [прп. Павла Таммского], которые были результатом его аскетических подвигов» (с. 109). Несмотря на общий для христианской агиографической литературы, посвящённой преподобным, мотив «умерщвления плоти», такая его гиперболизация является характерной чертой именно коптской агиографии.

Мотив смерти, в более широком его проявлении, выражается также в подчёркнутом желании преподобного Павла Таммского причинить себе как можно больше страданий. При этом само целеполагание подвигов становится противоречащим традиционному христианскому мировосприятию — «умерщвление плоти» вместо средства становится

целью. Как видим из приводимой Л. Р. Франгулян характеристики того же прп. Павла из ЭГ I, это отражается и на характере самих подвигов — вместе с обычными для данного рода памятников указаниями на сверхъестественное количество времени, проведённого в абсолютном воздержании от пищи и воды (40 дней), описываются некоторые неординарные «подвиги» (прп. Павел сидел в течение этого времени «на камне и, не моргая, смотрел в зеркало, пока из глаз не потекла кровь»).

Другим видом более радикальных аскетических «подвигов» преподобного было то, что он бросался «с отвесной скалы на острые камни». Всё это в ряде коптских источников представляется как следствие желания преподобного уподобиться мученикам. Желание это имеет явно нездоровую форму выражения с точки зрения апостольского христианства, а последний пример — бросание со скалы — можно классифицировать и вовсе как своеобразную попытку самоубийства (неудачную). При богословском анализе ключевым для понимания способа реализации мотива смерти в коптской агиографии мучеников может оказаться утверждение, которое чётко выражается в ЭГ I: насильственная смерть выше добровольных страданий, так как, по мнению автора энкомия, «мучения от гонителя <...> имеют источником волю Бога» (с. 110). На самом деле, проблема соотношения «добровольного» и «насильственного» подвига для христианина представляется гораздо более сложной, чем звучит в данном тезисе, претендующем на аксиоматичность.

Тем не менее, стоит повторить, что идею «чистилища», хилиастический мотив 1000-летнего пира и столь нехарактерное для Православия противопоставление подвигов преподобных и мучеников в контексте мотива смерти нельзя воспринимать как официальную богословскую позицию Коптской церкви. В ней необходимо видеть отражение народного религиозного сознания коптов, часть самобытной культуры этого народа.

Завершая данный обзор, следует признать, что монография Л. Р. Франгулян может быть полезной не только для религиоведов, ориенталистов и филологов, но и для богословов, интересующихся теологией Древних Восточных Церквей.

Александр Сергеевич Терентьев

Литература

- Аверинцев С. С.* От берегов Евфрата до берегов Босфора. Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии от Р. Х. // *Аверинцев С. С.* Собрание сочинений / под ред. Н. П. Аверинцевой, К. Б. Сигова. Киев: Дух і літера, 2004. С. 396–446.
- Болотов В. В.* Из церковной истории Египта. Вып. 1, 2. СПб.: Тип. Ф. Елеонского, 1884; 1886.
- Войтенко А. А.* Императорские родственники в египетских пустынях: Жития апы Кира и блаженной Иларии // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора И. С. Чичурова. М.: Издательство ПСТГУ, 2006. С. 178–193.
- Еланская А. И.* Коптская литература // История всемирной литературы: в 8 т. Т. 2. М.: Наука, 1984. С. 360–364.
- Еланская А. И.* Коптская рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. 1. М.: Наука; Главная редакция «Восточной литературы», 1987. С. 20–103.
- Панченко К. А.* Коптская Церковь. Арабское завоевание — Коптская Церковь при мамлюках (1250–1517) // ПЭ. 2015. Т. 37. С. 514–539.
- Тураев Б. А.* Неизданный поэтический памятник коптской эпитафии // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. 10. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1897. С. 79–82.
- Тураев Б. А.* Коптские надгробные надписи // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. 18. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1908. С. 30–32.
- Тураев Б. А.* Коптские рукописи Азиатского Музея Российской Академии Наук // Азиатский сборник. Из Известий Российской Академии Наук. Новая серия. Пг.: Известия Российской Академии Наук, 1919. С. 427–440.
- Тураев Б. А.* Коптская литература // Литература Востока: сборник статей. Вып. 2. Пг.: Государственное издательство, 1920. С. 70–81.
- Франгулян Л. Р.* Агиографический мир мучеников в коптской литературе. М.: ИВ РАН, 2019.
- Французов С. А.* Завет святому в арабо-коптском житии Иоанна Каливита // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. 2010. Вып. 4 (22). С. 77–86.